

Цвет на белой стене

ВЕРНИСАЖ

Александра ВАСИЛЬКОВА

Выставка живописи Дмитрия Крымова, ради которой я весной не поленилась съездить в Питер, теперь открылась в Москве, в Малом зале Манежа. Мало кто видел обе экспозиции, но, по-моему, стоит сказать, что вторая, московская, получилась лучше.

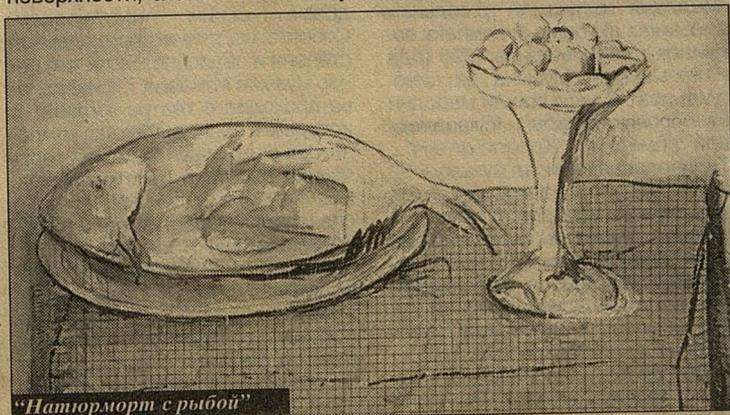
Для меня выставка, при всей ее цельности, делится на три части: цикл "Россия. 1946"; коллажи и графические листы на евангельские сюжеты; собственно живописные работы независимо от техники, то есть те, что говорят цветом. "Россия. 1946" — это, если говорить грубо и упрощенно, дорисованные, дополненные лаковой черно-белой графикой обрывки фотографий. То общее и главное, что встает за изображениями отдельных людей и попытка восполнить знанием то, чего не удержала зрительная память. Когда соединяешь в воспоминании собственное ощущение от человека, его облик на фотографиях и то, что знаешь из чужих рассказов.

Из серии евангельских сюжетов больше всего я люблю коллажи. Не потому, что они самые красивые, я вообще не знаю, красиво это или нет. Здесь разговор идет на уровне символов, причем символов естественных, изначальных. То, что тайно заложено, по крайней мере должно быть заложено в любой работе: скрытые горизонталы, вертикали, спирали, геометрические фигуры, которые можно, конечно, выявить и вычертить, но на самом деле они рассчитаны на подсознательное восприятие, — вот это все здесь не то, что на поверхности, а составляет саму

плоть работы. Вот, например, при всей абстрактности изображения предельно реальна настоящая веревка, на которой опускают снятое с креста тело. Никакие раны, изображенные с безупречной анатомической точностью, не подействуют так, как разрыв, сделанный в плоти бумажной фигурки — мы же уже поверили в ее подлинность. Здесь хочется вспомнить Флоренского или символ сливается с тем, что стоит за ним, окно означает свет, или окно остается стеклом и деревом, материал не оживает и остается самой собой — не орудие духа, а лишь чувственный материал.

Что же касается картин... Прежде всего они просто очень красивы, и вот сейчас, когда они свободно разместились на белых стенах, это особенно заметно. Я раньше и не видела этого упоения цветом, не замечала, как насыщена цветом линия — в самом что ни на есть буквальном смысле. Не просто движение, а окрашенное, то есть уже, по определению, чувственное. И, собственно, для восприятия больше ничего и не требуется — откройся перед картиной и впитывай. Но для зрителя искушенного здесь еще много слоев, много уровней. Не обязательно знать историю искусства, чтобы понять, к примеру, "Матадора". Но для того, кто вырос из той же почвы, питался теми же соками, здесь еще и радость понимания, общего языка. Это не замкнутость касты; более того, открывая выставку, Дмитрий говорил даже, что меньше всего хотел бы делить людей на художников и нехудожников. Здесь другая граница. Между теми, для кого картина — роскошь, и теми, для кого она один из видов общения. Независимо от того, можешь ты сосчитать все повлиявшие на художника "измы" или нет. Другое родство — "мы одной крови, ты и я".

Кувальдра, — 1998, — 22 см, — 10

"Натюрморт с рыбой"